

В Е Р А
Колочкова

*Синица
на кухне*

Р О М А Н

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Колочкова, Вера.

К61 Синица на кухне : роман / Вера Колочкова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-242863-0

Случайная синица, залетевшая в окно, становится предвестницей больших перемен. Муж ушел к другой, трое детей требуют заботы, новая работа преподносит одно испытание за другим. А впереди еще встреча с мужчиной, чье сердце разбито не меньше, чем ее собственное. Иногда жизнь отнимает слишком много, чтобы однажды вернуть самое главное. Искренний роман о надежде, прощении и любви, которая приходит неожиданно.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242863-0

© Колочкова В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

«Добро должно быть с кулаками», —
Из древних кто-то утверждал.
А в кулаке зажатый камень
Меж тем своей минуты ждал.
И мне всегда мешала малость
Поверить в эту благодать:
Да, кулаки — они остались.
Добра вот только не видать.

*Андрей Дементьев,
«Добро должно быть с кулаками»*

Зло без добра не сделает и шага,
Хотя бы потому,
Что вечно выдавать себя за благо
Приходится ему.
Добру, пожалуй, больше повезло:
Не нужно выдавать себя за зло!

*Валентин Берестов,
«Добро и зло»*

Утро выдалось, как всегда, суматошным, хотя удалось поднять всех рано, без привычного Кирюшиного хныканья и причитания: «Отстань, мам, дай еще минутку...» Даже Таня, такая же любительница поваляться подольше, поднялась по первому зову и даже сама разбудила Маргошку, проворчав хрипловатым со сна голосом:

— Вставай, слышишь? И не хнычь, и не капризничай. Сегодня мама первый день на работу выходит, поэтому в садик нельзя опаздывать!

Ася улыбнулась Танечке благодарно:

— Ах ты моя умница... А какие взрослые интонации в голосе, надо же! И не подумаешь, что эти слова десятилетняя девочка произносит!

Утро как утро, в общем. Да, обошлись без капризов и суматохи, да, сели за стол завтракать. Она обежала лица детей взглядом, улыбнулась бодренько, подумав быстро: «Счастье мое трехкратное... Кирилл, Таня, Маргоша. Все такие разные, все особенные».

Впрочем, каждой матери ее дети кажутся особенными, а на самом деле — дети как дети. Хотя Кирюшу трудно назвать ребенком, в свои пятнадцать уже с коломенскую версту вымахал! И в Танечке ничего

ВЕРА КОЛОЧКОВА

этого детского, капризного нет, взгляд вдумчивый, отрешенный, с грустинкой. Будто в себя погружена и проблему важную решает. Хотя понятно заранее, что там за проблема такая...

Слава богу, хоть Маргоша остается ребенком! Да и как она может повзрослеть в свои пять лет? Вон какие глазки наивные, чистые, распахнутые миру доверчиво. Не понимает еще ничего... Ни того, от чего Кирюше пришлось повзрослеть так рано, ни того, почему у Тани глаза грустные.

И все хорошо, и утро обошлось бы без суматохи, если б не шустрая синица, залетевшая в кухонное окно. Уселась на холодильник, глянула на них, склонив голову набок, чирикнула и тут же вспорхнула, принялась метаться по кухне испуганно. Догадалась, что в западню попала... И никак не может выхода найти, хотя окно по-прежнему приоткрыто!

Ася подумала запоздало: «Надо же, какой подарочек прилетел... К добру ли?» Но что делать, сама виновата — гренки подгорели слегка, и пришлось открыть окно, впустить свежий воздух. А главное, совсем чуть-чуть его открыла, только на проветривание! И как синица сумела в такую маленькую щелку пробраться? Замерзла, наверное. На улице-то не месяц май...

Маргошка так и застыла в изумлении, не донеся до рта ложку с кашей. Первым опомнился Кирюша, проговорил удивленным баском:

— Ни фиги себе, нежданчик! И что теперь делать, мам? Она же еще и гадить от страха начнет! Не дай бог, в наши тарелки!

Синица на кухне

— Вполне может... — растерянно согласилась Ася. — Видишь, как мечется...

— Так надо ее обратно в окно выпустить! Ей же и правда страшно! — жалостливо пропищала Таня, втянув голову в плечи.

— Сидите, я ее прогоню... — решительно встала из-за стола Ася.

Схватив кухонное полотенце и настезь распахнув окно, неуклюже махнула им в сторону синички, но та еще больше перепугалась и, пролетая над столом, успела-таки плюхнуть «нежданчик» между сахарницей и заварочным чайником.

— Ну, что я говорил? — победно воскликнул Кирюша. — Спасибо, хоть не в тарелку...

И тут же вскочил с места, предложил деловито:

— Я сам ее выгоню, мам... У тебя плохо получается. Ты ее будто боишься.

— Конечно, боюсь... Вдруг неосторожно сломаю крылышко!

— А-а-а... — тут же громко заплакала Маргошка. — Не надо обижать птичку, пусть она у нас останется! Она хорошая, я с ней играть буду! Мама, закрой окно, а то она улетит!

Наверное, именно это и понудило синицу быстренько найти выход — перспектива остаться в неволе ее не прельстила. Раз — и вылетела в окно, будто и не было...

Потом все вместе уговаривали Маргошку не расстраиваться, и Кирюша даже пообещал выпить вместо нее молоко, хотя терпеть его не мог. Чего для се-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

стры не сделаешь, даже на подвиг пойдешь... Лишь бы не верещала!

Когда все успокоились, Кирюша спросил задумчиво:

— Мам... А ведь это примета какая-то есть, правда? Если птица неожиданно в окно залетает?

— Да ну, какая примета! — отмахнулась озабоченно Ася. — Что ты в приметы веришь, как старая бабка!

— Нет, но все же... Я сейчас гляну, найду в инете...

— А я сразу у Алисы спрошу! — опередила его Таня, тоже хватаясь за телефон, и вскоре по кухне полетел бархатисто-ласковый говорок виртуальной всезнайки Алисы:

— Птица залетает в окно — есть несколько вариаций приметы... Прыгает по столу — ждите веселую компанию. Села на мебель — к деньгам. Беспокойно летает по дому — к хлопотам. Оставила помет — появится новый вариант заработка.

— Ого! Заработок — это хорошо! Мам, слышишь? — весело прокомментировал Кирюша.

— Слышу, слышу... — задумчиво откликнулась Ася. — А я вдруг вспомнила, как говорила про залетевшую в окно птицу моя бабушка... Будто это и не птица вовсе, а чья-то душа. Будто она сказать что-то хочет или предупредить...

— Чья душа, мам? — эхом откликнулась Таня.

Ася глянула на дочь настороженно — да, так и есть... Опять ее милое личико стало задумчивым, и бровки сдвинулись, глаза подернулись поволокой. Будто девочка уже не с ними, не здесь, а пребывает где-то в своем мире, неведомом, опасливом.

Синица на кухне

Да, она боялась, когда Танечка вот так «проваливалась». Может, и не стоило бояться, ведь знала, какая дочке досталась природа — нежно-романтическая, фантазийная. Наверняка и в этот момент поэтическое вдохновение снизошло...

А дотошная Алиса из Таниного телефона все продолжала и продолжала бубнить:

— ...Синичка так же прилетает к рождению малыша или к свадьбе, если в семье есть девица на выданье...

Громкий Кирюшин смех перебил говорок Алисы, и Таня будто очнулась, моргнула испуганно. И медленно повернулась к брату, спросила чуть обиженно:

— Ты чего смеешься? Напугал...

— Ты слышала, что Алиса сейчас сказала? Синица — это же к свадьбе! Это ты, что ли, у нас девица на выданье, Танька? Пора к свадьбе готовиться, да? Ты только заранее нас с мамой предупреди...

— А почему сразу я? — пожала плечами Таня. — Может, это у мамы будет свадьба?

— Не, у мамы как раз нет шансов... Вот если б она вдовой была...

— Ты совсем дурак, что ли? Кринжово как высказался, офигеть!

Ася поперхнулась кофе, закашлялась, махнула рукой. Подумала про себя испуганно: «Ничего себе у Танечки перепады! От романтической задумчивости до этого вот непонятно грубоватого подросткового сленга! Причем перепады мгновенные, и опомниться не успеешь!»

— Тань, что за выражения? — спросила строго.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Хотя строго не получилось. Через надсадный кашель и хриплый голос — какая строгость?

— А чего он, мам... Чего он всякие глупости говорит!

— А что я такого сказал, интересно? — запальчиво переспросил Кирюша.

— А то... Ты сказал — вот если бы мама была вдовой... А вдова — это когда у женщины муж умирает, понятно тебе? А наш папа живой!

— Так я ж ничего такого в виду не имел... — сказал Кирюша. — И вообще... Бабушка так же говорила, я слышал...

— А как бабушка говорила? — осторожно переспросила Ася.

— Да так же примерно... Я сам слышал... Мол, если бы ваша мама вдовой была, было бы все понятно. А то живет не пойми кем... Вдова хоть звучит благородно... А так получается — разведенка с большим прицепом! Хотя мама и не разведенка вовсе, она вроде как папина жена все еще...

— Кирюша, прекрати! Прекрати сейчас же! — резко оборвала Ася сына и даже ладонью по столешнице слегка хлопнула.

— А я что? Я ничего... Тем более ты сама спросила... — обиженно протянул Кирюша. — Я всего лишь бабушкины слова повторил, а ты сердисься! Сама спросила, сама теперь обижаешься, выходит?

— Ну спросила... Но я же не потому спросила... И вообще! Мало ли что говорит бабушка! Ваш отец жив и здоров, слава богу! И неважно, в каком мы с ним статусе пребываем, вовсе не важно!

Синица на кухне

— Да так оно, мам... Не важно, конечно. Только, знаешь... Есть статус, а есть настоящая правда. Отец ведь нас бросил? Бросил! Нет его. Не-ту...

Кирюша развел руки в стороны, глянул на нее исподлобья. И повторил с тихой настойчивостью:

— Нет его, мам... Вот и получается, что бабушка где-то права. Ты теперь ему не жена и не вдова, ты не пойми кто. А значит, и мы с Танькой и Маргошкой тоже... не пойми кто!

— Ты... Ты в своем уме — говорить такое? — ужаснулась Ася, распахнув глаза и положив руку на грудь. — Да как ты можешь вообще! Как у тебя язык поворачивается! Не стыдно, а?

— Это мне должно быть стыдно? Это ему должно быть стыдно, мам! Это же он нас бросил!

— Это неправда! Он вас не бросал! Он вас очень любит! Да, папа давно не приходил... Но это же ничего не значит... Просто он очень занят сейчас! Работы у него много! Да и что значит — давно не приходил? Это не совсем так... Он же две недели назад у нас был, ты что, разве не помнишь?

Кирилл хотел ответить и даже слегка подался вперед, но она не позволила ему этого сделать. Проговорила решительно:

— И вообще, это не тема для разговора! Тем более вам с Таней давно пора выходить, на первый урок опоздаете!

— Но я еще не позавтракал... — обиженно опустил глаза в тарелку Кирилл.

— Так ешь быстрее! Таня, ты поела? — повернулась она к дочери.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да, мам... Я пойду, рюкзак соберу...

— А с вечера нельзя было это сделать?

Таня посмотрела с насмешливой укоризной — мол, чего это ты вдруг включила грозную мамочку...

Да, не получилось у них приятного семейного завтрака. Бывает. Тем более и впрямь везде опоздать можно.

— Маргоша, нам тоже пора... Пойдем одеваться, солнышко. Надо поторопиться.

Выходя из кухни, она бросила через плечо, стараясь придать голосу больше веселой беззаботности — мол, все у нас хорошо, сынок, никакой недомолвки меж нами и не было!

— За Таню отвечаешь, как обычно... Знаешь ведь, какой она бывает рассеянной. Перекресток переходите вместе, держи ее за руку, ага?

— Да понял, мам, понял...

Слава богу, голос у сына прозвучал без единой нотки обиды. Жить можно!

Потом все вместе еще потолклись в прихожей, надевая курточки. Таня торопливо сунула ей тетрадный листочек в карман, прошептала едва слышно:

— Потом посмотришь, мам, ладно?

— Хорошо, Танюш... Все, идемте, идемте!

Так и вывалились всей компанией из подъезда и какое-то время шли гурьбой. Кирилл с Таней чуть впереди, она с Маргошей сзади. Она вдруг увидела, что Кирюша вырастает из курточки... Вон, рукава запястья уже не прикрывают! Ну куда он растет, куда? В свои пятнадцать такой уже дылда...

И Тане надо бы новые кроссовки купить...

Синица на кухне

На углу разделились — Кирюша с Таней пошли к перекрестку, а им с Маргошей надо было поспешать по другой улице до детского сада. Вдруг вспомнила, что Таня сунула ей листочек в карман...

Достала, развернула на ходу. Уже знала, что там очередной поэтический выплеск... И остановилась на полминуты, прочитала тихонько вслух:

Вдруг залетела в окно синица.
Это чья-то душа веселится?
Мы испугались, и душа улетела.
Так жалко! Лучше бы песенку спела!

Вот как это назвать, а? И не стихи вроде, а с другой стороны... Что это, если не стихи? И сколько уже таких листочков за последнее время... Много, много. Даже отдельную папку для них пришлось завести. Не выбрасывать же...

Иногда ее и впрямь пугала эта манера Танечки — выражать свое отношение к происходящему в этих... Даже не знаешь, как это назвать. Вчера, например, нашла у нее под подушкой очередной листочек, прочитала... И запомнила, и потом долго еще в голове эти строчки вертелись:

Осенью нет синего цвета.
Есть желтый, багровый и красный.
Осень — это не лето...
Осенью нет синего цвета.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

С одной стороны, смешно, да... И вроде ничего особенного. А с другой стороны... Вдруг это и впрямь стихи? А что... Какое-нибудь модное нынче течение... Похожее на японское хокку.

Пока рассуждала сама с собой, дошли с Маргошкой до садика. Вошла в калитку и увидела — на двери листок с текстом прикреплен. Объявление. И сразу поняла — не к добру...

Оно так и оказалось, конечно. Трубу в садике провало. Не работает сегодня. И завтра, скорее всего, тоже. «Уважаемые родители, приносим извинения за неудобства».

Да пошли бы вы к лешему со своими извинениями, черт бы вас побрал! Ну как так-то, а? Сегодня же не простой день, сегодня первый день выхода на новую работу!

И что теперь делать? Стоять и продолжать про себя чертыхаться? И кому от этого легче будет?

— Мамочка... Мы что, разве в садик не пойдём? — потянула ее за руку Маргоша. — Мы обратно домой пойдём, да?

— Нет, домой не пойдём... Придется тебе погостить у бабушки. Сейчас я ей позвоню...

Уже и телефон из кармана достала, и совсем было собралась кликнуть мамин номер, но призадумалась. Нет, не надо звонить, пожалуй... Потому что по телефону всегда проще отказать, и мама непременно это сделает. И ее можно понять... Без того устает с больной бабушкой, а она ей еще одну заботу навяжет!

Да, пусть она будет плохой дочерью. Бессовестной эгоисткой. Прости, мам... Но что делать? Прости...

Синица на кухне

И кликнула вместо номера мамы номер начальницы отдела кадров. Надо же объяснить, почему она вовремя не появится!

Разговор получился суровым, конечно же. И начальницу тоже можно понять — что за сотрудницу такую нерадивую приняла? В первый же день — и опаздывает. Мало ли у кого какие личные проблемы бывают! Нехорошо, однако.

Самой себе противна была, когда извинялась еле-ным голосом, объясняла, что трубу в садике прорвало, будь она неладна, эта труба. Потом еще извинялась. И еще. Будто она сама эту злосчастную трубу прорвала.

И будешь тут извиняться, конечно! И терпеть нотки недовольства и раздражения в голосе начальницы будешь! Не объяснишь же этой начальнице, как трудно устроиться на работу женщине с тремя детьми, правда? Еще и с более-менее приличной зарплатой... Хотя, если честно, какая там зарплата у офис-менеджера? Но и за такую спасибо, что ж... Фирма-то успешная, и офис-менеджера зарплатой не обидели. Да если б кто знал, с каким трудом она эту работу нашла! Не отказываться же теперь от нее, правда?

Хорошо, что мама живет в этом же районе, можно быстро добраться. Только бы она дома была...

Слава богу, мама была дома. Но перспектива сидеть весь день с внучкой ее не обрадовала.

— Ася, ну что же это такое... Ты же прекрасно знаешь, у меня бабушка на руках! А за ней уход нужен! За ней глаз да глаз! Я что, разорваться должна, по-твоему?

— Мам, я все понимаю, да... Ну, пожалуйста, мам... У меня сегодня первый рабочий день...